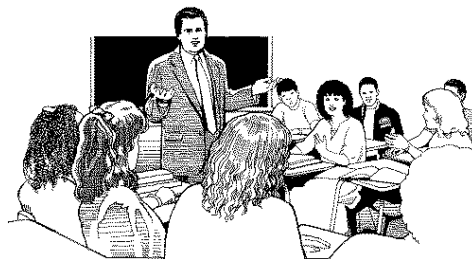

ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

XXI ВЕК И ПРОБЛЕМЫ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ОБНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ (Часть 2. Начало в № 3 2003 г.)

Теоретическая экономика: содержание предмета. Глобальная информационная сеть, возникшая вслед за торговой, транспортной, электрической и финансовой [18], усилила интеграцию мировой системы, отдельных регионов, сфер деятельности. Возросла степень зависимости поведения экономических аспектов как по эндогенному, так и по экзогенному направлениям не столько от национальных, сколько от наднациональных институтов. Факторы развития и роста переместились в область отношений* и научно-информационного ресурса, где может быть объясним остаток Р. Солоу.

Экономическая наука в широком смысле слова многогранна, как и хозяйственный мир. В фундаментальной части она фиксирует тот набор элементов, связей, отношений, который образует хотя и общую, но относительно устойчивую систему, воспроизводящую уровень освоения человеком природной среды, технико-технологического развития, степень психо-биологической и социально-экономической самоидентификации индивида, формы и параметры его защиты. Как эмпирическая, экономическая наука имеет дело с наблюдательными и проверяемыми данными и фактами, объясняя и прогнозируя тем самым происходящие процессы. В определенной степени теория впитывает и одновременно воссоздает исторический ракурс экономической траектории эволюции. В то же время экономическая наука, формируя свой предмет, в явной или неявной формах обращается к институциональным условиям, рамкам и факторам человеческого развития [19, 426]. “Экономическая теория выступает как эмпирическая наука, если она мыслится как исследование такого объекта, как богатство, — пишет историк и философ Р. Коллингвуд, — и как философская наука, если она мыслится как изучение экономической деятельности” [20, 1].

Таким образом, *теоретическая экономика* — это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функ-

Петр Сергеевич ЛЕМЕЩЕНКО, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой теоретической и институциональной экономики БГУ.

*Менеджмент в теории и на практике уже несколько десятилетий успешно использует область отношений для увеличения производительности и улучшения качества продукции. Применения знания о производственных и организационно-экономических отношениях, можно без существенных затрат значительно увеличить площадь сегмента, ограничиваемого кривой производственных возможностей.

ционирования и управления, а также форм отношения и поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы*. Этим, не претендующим на всю полноту отражения изменений в современной экономике, определением делается попытка, во-первых, зафиксировать естественное и закономерное развитие предмета науки об экономике, которая также эволюционировала в количественном и качественном направлениях. Во-вторых, хозяйственный мир** — это сложный, но все же целостный мир, который требует к себе такого же целостного подхода и анализа. Институциональное теоретическое основание не только закладывает начало такого синкретичного восприятия, но и определяет наполнение дедуктивных заключений теми же конкретными формами, в которых осуществляется историко-практическая деятельность***. Определяя экономическую науку (экономикс, экономическая теория) через ограниченные ресурсы и конкурирующие цели, мы заранее ограничиваем себя в ответе на вопрос: почему разные страны, располагающие примерно равными, а может, и большими ресурсами, имеют принципиально разные результаты в социально-экономическом прогрессе. В-третьих, обращение к теоретической экономике в качестве естественного этапа научного развития обнаруживает *синтез* сущностного эзотерического подхода с феноменалистским экзотерическим. И снова, как во времена классической политэкономии, исследовательская аксиоматика закладывается на сущностном уровне, отражающем связь человека с природой, имеющимися технологиями, мировым сообществом. В-четвертых, теоретическая экономика ставит задачу (по крайней мере, это вытекает из анализа имеющихся в науке и практике проблем) в зависимости от конкретных целей явно или имплицитно проводить многоуровневый “срез” общественно-экономической системы, относясь к последней как к действительно реальной, а не абстрактной. Точкой отсчета в отличие, например, от эпохи классицизма, когда воспроизводилась национальная политико-экономическая система, здесь выступает обобщенное отражение современной мировой эпохи с ее тенденциями развития. Для чисто экономического анализа это дает ориентир на поиск новых факторов, влияющих на спрос и предложение, на выяснение дополнительных источников производства продукта, дохода и пр. Вспомним учение А. Смита о производительном и непроизводительном труде, об организационном факторе А. Маршалла или эффективном спросе Дж. Кейнса. Скажем так, теоретическая экономика должна сконструировать через адекватную систему категорий современную “хозяйственную конституцию”, в структуре которой так или иначе занимают соответствующие места национальные государства с их системами хозяйствования. Некоторый парадокс заметен в том, что сами на-

*Для сравнения приведем другие определения экономической науки и ее предмета. “Определить законы, которые управляют... распределением — главная задача политической экономии” (*Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955. С. 30); “Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей деятельности. Но предметом ее исследования являются главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни” (*Маршалл А.* Принципы экономической науки: В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 69); “Предмет политической экономии составляют общие законы производства и распределения” (*Пезенти А.* Очерки политической экономии: В 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 93); “Экономическая теория (такую дефиницию получила наука “экономика” после русского перевода) есть наука об использовании производительных ресурсов для производства различных товаров... и распределения их между членами общества в целях потребления” (*Самуэльсон П.* Экономика. М., 1964. С. 25); “Наука должна дать точное определение отдельных, частных хозяйственных порядков и показать, каким образом происходит их соединение в рамках общего порядка” (*Ойкен В.* Основы национальной экономики. М., 1996. С. 79–80); “Экономика как общественная наука изучает поведение индивидов и институтов, занимающихся производством, обменом и потреблением товаров и услуг” (*Макконнелл К.Р., Брю Ст.Л.* Экономикс: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 21); “Политическая экономия есть общественная наука, изучающая хозяйственную деятельность народов, или, еще короче, — политэкономия есть наука о народном хозяйстве” (*Чунров А.И.* Курс политической экономии. М., 1914. С. 16).

**Категория “хозяйство” значительно шире категории “экономика”, поскольку отражает, во-первых, сферы деятельности, прямо не попадающие в денежное измерение, а, во-вторых, конкретизирует формы, порядки, в которых проявляется экономическая реальность.

***В. Ойкен употребляет категории “порядок”, “хозяйственная конституция”, а Дж. Бьюкенен ориентирует в своих исследованиях на раскрытие “конституции экономической политики”.

циональные государства, создавая определенные наднациональные рамки, сегодня уже вынуждены их закладывать в своей политико-экономической стратегии. Частные же теории, например, политэкономия государства, теория окружающей среды, микро-, макроэкономика, теория финансов, региональной экономики, институциональной и эволюционной экономики, восприняв от общей теории исходные аксиоматические установки, дополняют общую экономическую картину на разных уровнях хозяйствования.

В-пятых, теоретическая экономика не стоит ни в начале изучения реальной действительности, ни в конце, как думают эмпирики, ни рядом. Она расположена в центре процесса познания, задавая его направление и формируя инструменты, которые создаются для получения научного опыта. Иначе говоря, теория без фактов может быть пустой, однако факты без теории просто бессмысленны. В разработке научной хозяйственной картины мира важная роль отводится исходным определениям. Они обобщают результаты исходного анализа, синтезируя частные стороны явления и тем самым “позволяют” работать с этими явлениями, но уже на другом, более глубоком, уровне познания действительности. Это более высокий уровень рациональности.

Хотелось бы разграничить дефиниции “теоретическая экономика” и “экономическая теория”. В понятиях, которые приведены на рис. 1 и 2 (см. *Лемещенко П.С. XXI век и проблемы парадигмального обновления экономической науки // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. 2003. № 3. С. 21, 23*), можно найти эти отличия как по предмету, так и по другим важным признакам. Теоретическая экономика воспроизводит на современном уровне развития науки в целом тот подход к человеку, природе, обществу, которые в свое время выполняла классическая политэкономия. Экономическая теория, если использовать не самый лучший, но самый распространенный перевод, выступила следствием научного обеспечения частных задач практики функционирования рыночной экономики. Априори многие социокультурные постулаты принимаются как аксиомы. Вычленяется из всей гуманитарной составляющей человека лишь его утилитарная направленность, которая якобы лежит в основе его мотивации и поведения в условиях ограниченных ресурсов. Л. Мизес назвал эту отрасль науки каталлактикой — наукой об обмене. Многие другие авторы также отмечают, что экономикс из всей воспроизводственной системы в своем анализе обращается лишь к фазе обмена. Отсюда выводятся спрос и предложение, цена, понятие равновесия и пр.* “Недостаточно и далее заниматься экономическими проблемами в рамках традиционной структуры, — пишет Л. Мизес. — Теорию каталластики необходимо выстроить на твердом фундаменте человеческой деятельности” [21, 10]. Что же нам известно о фундаменте (!?) современной человеческой деятельности?

Имеющиеся переводные и интерпретированные, похожие друг на друга отечественные учебные пособия по экономике даже не ориентируют на поиск ответа на этот вопрос. “Человек экономический” в них по-прежнему трактуется как существо, имеющее безграничные когнитивные способности, узко утилитарные склонности и жестко структурированные независимые предпочтения. Даже Дж. Сорос отмечал, что “деньги узурпировали роль подлинных ценностей. ...Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго” [22, 24, 101].

Поэтому, как пишет далее известный финансист, когда мы применим экономические теории к реальному миру, то можем получить искаженную картину [23].

Некоторые практические выводы. Значимость любой теории определяется возможностью на основе разработанных законов и закономерностей объяснить конкретные явления, а также предсказать возникновение желаемых или не желаемых новых явлений и ситуаций. Классическая политэкономия ответила на вызов времени, определив институциональный остов общества и стратегическое направление экономического развития, дав начало поиску причин, источников и обще-

*Надо заметить, что у В. Леонтьева применяется другой подход (input-output) как к равновесию, так и в целом к воспроизводственному процессу.

ственных форм богатства*. К. Маркс в своей теории прописал более логично и четко самодвижение форм богатства с выделением возникающих новых институциональных норм эпохи промышленного капитала, ограничивающих развитие последнего. Дж.М. Кейнс, мужественно преодолев “стандарты” неоклассического мышления, своей теорией эффективного спроса расширил предмет науки, чем заложил основы и дал ориентиры на изменение норм и правил реальной экономической системы. Частная теория монетаризма увеличила производственные возможности за счет активизации спекулятивной нормы поведения хозяйствующих агентов, изменяя денежные отношения и рамки**.

Этим небольшим экскурсом хотелось бы обозначить действительно практическую значимость фундаментальной теории, результат и пользу которой иногда пытаются выразить суммой полученных денежных заказов. Здесь есть два парадокса. На первый когда-то обратил внимание Дж.К. Гэлбрейт: “Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им выводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием” [24, 313]. Можно подсчитать, сколько денег было потрачено на разработку разного рода программ, предвыборных платформ, бизнес-планов и пр. Второй парадокс менее заметен. Теоретическая экономика как фундаментальная наука выступает своеобразным общественным благом. Этим благом в той или иной мере будут пользоваться и пользоваться многие, но платить за данные разработки сегодня никто не хочет. К тому же теория формирует образ и нормативные параметры экономического мышления и поведения людей. Индивидам, мыслящим в единых теоретических рамках, легче понимать друг друга в избранных стратегиях, что снижает неопределенность и трансакционные издержки в реальной практике. Снижение неопределенности и рост доверия контрагентов создает в свою очередь условия для составления более реальных по вероятности прогнозов.

Теоретическая экономика по своему предмету должна учитывать политическую сферу: ее идеологию, организационную структуру, режим власти, способ принятия и реализации политических решений, кадровые назначения и многое другое. Традиционный экономикс к политической сфере до сих пор относился как к экзогенному фактору. Отсюда ориентация на позитивный экономический анализ.

В. Ойкен подчеркивал, что если экономисты не будут заниматься изучением политической сферы, в которой осуществляются экономические процессы, то этим займутся сами бюрократы, “указав” экономистам место простого наблюдателя, или, иначе говоря, позитивного анализа, чему долгое время отдавали предпочтение экономисты. До сих пор сфера принятия и реализации политических решений является самой неисследованной и самой дискуссионной областью [25, 625]. Для этого есть соответствующие предпосылки. Любая власть любой страны всегда будет информационно, финансово, организационно ограничивать политико-экономические разработки. Будут финансироваться и признаваться лишь те выводы, которые не ориентируют на кардинальные изменения институциональной основы общества. Допустить экономическую науку в политический процесс означает приоткрыть занавес таинственности, который является частной собственностью бюрократии, а следовательно, приносящей властную, политическую ренту.

Существует известный метод манипулирования “научными” знаниями с определенной целью на разных стадиях политического цикла. Такое явление рас-

*Можно с иронией воспринимать высказывание У. Петти о роли труда и земли в производстве стоимости и богатства, но, учитывая господство меркантилистского духа в обществе этого времени, следует признать важность данного положения. А. Смит также достаточно смело для своего времени пишет: “...Государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют непроемчивых работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения...” (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 245). Экономического обоснования роли и значения нынешней власти никто еще не сделал.

**Правда, теперь финансовый сектор предлагают отнести к трансакционному, порождающему трансакционные издержки, которые надо вычитать из ВВП (Шаститко А.Е. Неинституциональная экономическая теория. М., 1998. С. 206–207).

пространено широко во всех странах, включая и нашу республику. Привлечение научных работников на определенные общественные должности приводит не только к мутации их мышления, но и поведения. Сказывается эффект зависимости от философско-психологических установок бюрократической олигархии. Отделить интерес последних от государственного интереса и интересов существующих социальных групп и классов, сформировав, например, эффективную политику распределения доходов без обращения к целостному теоретическому анализу, вообще невозможно.

Специфическая проблема использования экономической науки существует в периоды системных преобразований, аналогичных нашему затянувшемуся периоду, названному переходным. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в этом метафоричном определении — “переходный период” — проявилась полная неготовность ни “западной”, ни “восточной” науки* к прогнозу и управлению событиями, которые неожиданно возникли и возникают до сих пор. Реформы потерпели неудачу потому, что, как пишет Дж. Стиглиц, их научные представители не смогли понять современный капитализм, находясь под слишком сильным влиянием упрощенных моделей, заимствованных из учебников** [26, 8]. Действительно, пространственно-временные институциональные изменения, как главные проблемы любого переходного периода, оказались за пределами внимания экономистов-неоклассиков, обеспечивающих научно-идеологическое сопровождение современной реформы.

Кроме этого есть еще одна методологическая посылка, от признания которой зависит более или менее адекватное отражение происходящих процессов. Центральной предпосылкой современной теории мейнстрима выступает аксиома о равновесности экономической системы. Но данная гипотеза абсолютно неприемлема для трансформационного периода, характеризующегося не только экономической неравновесностью, но и институциональными диспропорциями [27, 47–51]. Следовательно, нормативная часть экономической теории, мягко говоря, может иметь лишь информационно-интеллектуальный характер.

Позитивная часть экономической теории, на чем составил себе авторитет традиционный мейнстрим, также имеет существенные ограничения и погрешности при анализе неустойчивых ситуаций, характерных для мир-экономики в целом и транзитивных в частности. Дело в том, что позитивный анализ: базируется на использовании частных отдельных теорий, на формировании трендов, выстраиваемых на большом фактическом ценовом материале***, что потом используется при прогнозах; ориентируется на короткий период; предполагает институциональное равновесие, оптимальные права собственности и нулевое значение трансакционных издержек. Но, во-первых, частные теории не воспроизводят целостно и глубоко всей картины сложных и динамичных процессов переходного периода. Во-вторых, ценовая информация в условиях системных изменений не является главной в этот период и к тому же всегда из-за инфляции несет искаженную картину. В-третьих, мышление категориями трендов, если учесть другие ограничения, возможно, но лишь на базе достаточно большого периода. К тому же влияние современной международной финансовой системы на экономики всех стран также ограничивает возможности строить какой-то долгосрочный прогноз на основе трендов. В-четвертых, ситуация теоретической неопределенности, которая отражает переходный период, во многом лишает смысла сбор и накопление фактов.

Есть еще одно обстоятельство, которое затрудняет как развитие, так и использование выводов теории. Это фактор кадрового ресурса. Дело в том, что в “переходных состояниях” наблюдается обычно быстрая сменяемость кадров на разных уровнях управления. Степень их теоретической подготовки, как показывает опыт, разная. Но именно от них во многом зависит оценка результатов теории и соответствующих рекомендаций. Управленческие кадры через финансирование и

*Для гуманитарных наук, а экономическая отрасль знания также относится к этой сфере, очень важен мировоззренческий аспект исследования, его экономические и другие интересы как социума.

**Можно найти немало подобного рода оценок. Р. Пребиш пишет: “Напичканный всевозможными теориями, я не мог понять, что происходит с аргентинской экономикой... Более того, я часто испытывал ощущение, что то, чему меня учили, не только помогает осмыслению этой действительности, но и мешает изучать ее” (Пребиш Р. Периферийный капитализм. М., 1992. С. 78).

***Цены в этих моделях являются единственным источником информации.

поддержку могут также стимулировать развитие экономической науки в определенном (?) направлении. Сегодня политическая среда не ориентирует теорию на действительное отражение существующей реальности как из-за непонимания теории, так и из-за нежелания терять политическую ренту, для которой переходный период имеет все условия.

Таким образом, теория может быть логически непротиворечивой, практичной, значимой и востребованной, если она постоянно занимается, кроме всего прочего, анализом и ревизией всего гносеологического арсенала, сверяя его возможности с данными опыта. Любая теория не догма и не миф. Ее сегодня нельзя найти в библиотеке, равно как и на сайте в Интернете. Для нынешних условий переходности и, соответственно, неопределенности, выстроить обоснованную и эффективную с точки зрения перспектив и тенденций XXI в. теорию возможно лишь через призму правильного определения предмета науки об экономике. В ней, как и в развивающемся предмете любой науки, фокусируются исходные начала анализа, определенный код, ген, который в последующем разворачивается через целостную систему категорий, понятий, законов, отражающих разные уровни хозяйствования определенного исторического этапа. Источники же развития и роста в современной экономике находятся в плоскости деятельной кооперации, хозяйственных связей, форм и отношений*.

Литература

1. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
2. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
4. Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1.
5. Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Мн., 2001.
6. Олейник А. Институциональная экономика. М., 2000.
7. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М., 1991.
8. Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб., 1894.
9. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1995.
10. Маршалл А. Принципы политической экономии: В 3 т. М., 1983.
11. Робинсон Дж. Теория несовершенной конкуренции. М., 1986.
12. Vlaug M. Kuhn versus Lacatos or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics // Method and Appraisal in Economics. Cambridge, 1976.
13. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
14. The Structure of Economic Science. Essays on Methodology. Prentice-Hall, 1966.
15. Ананьин О. Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества // Вопр. экономики. 1992. № 10.
16. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопр. экономики. 2001. № 2.
17. Алле М. Единственный критерий истины — согласие с данными опыта // МЭ и МО. 1989. № 11.
18. Лемещенко П.С. Новая экономика и теория: закономерности эволюции // Беларусь и Россия: императивы обществ. развития. Мн., 2002.
19. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. М., 1997.
20. Unknowledge and Choice in Economics / Ed. by S.F. Frowen. Basingtoke. 1990.
21. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.
22. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.
23. Сорос Дж. Сорос о Соросе. М., 1996.
24. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 1969.
25. Политические науки: новое направление / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингельманна. М., 1999.
26. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? // Вопр. экономики. 1999. № 7.
27. Лемещенко П.С. Институционально-эволюционная теория современной экономической реформы // Вестн. ассоциации белорус. банков. 2001. № 41.

*Нобелевские премии экономистам за 2001 и 2002 гг. свидетельствуют о более интенсивном повороте науки в межпредметную область исследования.